

Станислав Вотовский



Король авантюристов
(граф Калиостро)

18+

Польский исторический роман

Станислав Вотовский

**Король авантюристов
(граф Калиостро)**

«Автор»

2026

Вотовский С.

Король авантюристов (граф Калиостро) / С. Вотовский —
«Автор», 2026 — (Польский исторический роман)

Это первый роман-биография дилогии о графе Калиостро. В этой книге подробно описана полная приключений жизнь реального Калиостро. Он родился в бедной, не дворянской семье. Не желая вести честную жизнь, юноша бежит из семьи и становится авантюристом. Он прибегает ко всё более новым способам обмана, ему помогает жена Лоренца. Порой и он становится жертвой мошенников. Но однажды он покупает некие рукописи... и становится масоном, Великим Коптом египетского обряда...

Роман написан живым языком и читается на одном дыхании, как и все романы Станислава Вотовского. Дальнейшие приключения графа Калиостро описаны в романе "Предательство Лоренцы". На русском языке роман печатается впервые. Станислав Вотовский (1895-1939?) — известный польский писатель сенсационных и исторических романов.

© Вотовский С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I	5
Молодость авантюриста	5
Глава II	12
Альтотас	12
Глава III	23
Женщина...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Станислав Вотовский

Король авантюристов (граф Калиостро)

Глава I

Молодость авантюриста

— Чаша терпения переполнена, — сурово сказал отец-генерал, глядя на стоявшего перед ним, будто бы с виноватой миной, молодого, шестнадцатилетнего юношу. — Чаша переполнена, и тебе сегодня не избежать порки. Пожалуйста, закройте эту своенравную птичку в карцер! — обратился он к стоявшему поблизости монаху.

Шестнадцатилетний Жозеф Бальзамо, к которому относились эти слова, склонил голову и побрёл вслед за монахом длинными, холодными коридорами в келью, находившуюся в конце монастыря и предназначенную для ареста непослушных учеников.

— И зачем тебе это надо было? — вымолвил монах, когда закрывал его келью. — Зачем эти вечные шалости? Ты злоупотребил терпением нашего доброго генерала!

Бальзамо, когда остался один, невольно вздрогнул. С его лица спала та маска, полная самоуверенности, с какой он до сих пор терпел упрёки настоятеля. Он знал, что провинился и что на этот раз ему не простят, но наказание ему не улыбалось. На лицо этого крепкого юноши среднего роста с кудрявыми чёрными волосами и искрящимися хитростью глазами, с немного семитским взглядом, опустилась задумчивость.

— Не наказывайте меня! — шепнул он. — Я не вынесу порки!

Но разве до сих пор не повторяли, что он невыносимый юноша?

В самом деле, воспитатели имели с Жозефом Бальзамо столько хлопот. Он родился в Палермо 5 июня 1743 года. Его отец был купцом. Его звали Пьетро Бальзамо и был он родом из давно крещённой еврейской семьи, марранов, поэтому на лице молодого Жозефа был замечен семитский тип. Мать юноши была сицилийской мещанкой Фелицией Браконьери.

Жозеф Бальзамо рано стал вполне серьёзным, а так как с ранней молодости проявлял большую любовь к наукам, благодаря стараниям дяди его приняли в семинарию Св. Роха в Палермо.

Что из того, что он был необычайно способный! У него был такой непослушный характер, что он несколько раз убегал из школы и ни один из учителей не мог с ним справиться. Тогда, не зная, что с ним делать, его поверили особому попечению — отца-генерала ордена Добрых Братьев, Bonifratelli, который забрал его в монастырь в Картагироне, где мы оставили его в начале этого повествования. Отец-генерал собирался обучать Бальзамо и склонить его посвятить себя духовному поприщу.

В монастыре тринадцатилетний в то время подросток был отдан в помощники местному аптекарю. Тот очень его полюбил и начал учить его основам химии и медицины. И снова всё было бы как нельзя лучше, если бы не беспокойный характер Бальзамо. Потому что, несмотря на то, что он был чрезвычайно понятливым учеником и делал значительные успехи в учёбе, в то же время в период своего многолетнего пребывания в монастыре он совсем не хотел подчиняться не слишком даже суровой дисциплине, и, что хуже всего, позволял себе такие выходки, которые в монашеской жизни никоим образом не могли быть терпимы.

В течение долгого времени это сходило ему с рук или добрый отец-генерал ограничивался только упрёками. Но в это утро Бальзамо позволил себе такую шутку, что, пожалуй, только бес мог ему это шепнуть.

Не больше, не меньше, только когда ему велели читать для назидания братьев "Мартиролог" и выдержки из "Жития святых", он сделал это таким образом, что специально перевернул тексты и добродетельные поступки приписал негодяям и блудницам, а дьявольские поступки — благочестивым мужам! Это были уже явные насмешки над монастырским начальством, но и над религией, и Бальзамо должна была ожидать неминуемая порка, на рассвете следующего дня.

Ему вовсе не улыбалось такое наказание, как не улыбалась в целом монастырская жизнь.

— Убегу! — вдруг решил он.

Почему бы побег не удался? Ведь столько раз до этого он сбегал из школы.

Он внимательно огляделся. Он знал, что монастырь охраняют невнимательно и что, как только он выберется из кельи, легко сможет из него ускользнуть.

Он подошёл к решётке, вделанной в окно, сильно её потряс, и издал радостный крик. Дерево, в которое она была вставлена, сгнило и её без труда можно было выломать.

— Убегу, как только стемнеет! — решил он.

В самом деле, как только опустилась ночь, он без труда убрал решётку. После чего он тихо отворил окно и прислушался. В монастыре все спали, он казался вымершим, а господствующую вокруг тишину прерывал только шум деревьев, которые раскачивал тёплый майский ветер.

— Прекрасно! — шепнул он.

Он стоял на парапете окна. Келья находилась на втором этаже. Он мгновение колебался — и прыгнул.

Потом он лежал на мягкой траве сада, окружающего монастырь. Он снова прислушивался, но никто не слышал шума падающего тела. Впрочем, уже была детская игра. Он быстро пробежал через аллею, отделяющую его от стены, окружающей монастырь, взобрался на эту стену — и дорога на волю была перед ним открыта.

— Я сюда решительно не вернусь! — пробормотал он, когда отдалялся от потонувшего во мраке монастыря. — У меня нет призвания к духовному сану.

Достойный Ансельм Браконьери, владелец таверны в Палермо, дядя Бальзамо и брат его покойной матери, не очень обрадовался, когда увидел перед собой молодого повесу.

— Ты сбежал из монастыря? — воскликнул он, хватаясь за голову. — Даже наш добрый генерал не сумел направить тебя на дорогу добродетели?

— Когда, дорогой дядя...

— Молчи, я знаю твои оправдания! Нет! В самом деле, я уже не хочу о тебе слышать.

Но Бальзамо хорошо знал своего дядю и знал, что он честный до мозга костей, и когда гнев пройдёт, можно будет всё представить ему по-своему. Иначе он не осмелился бы вернуться в Палермо.

Поэтому он начал объяснять дяде, что не чувствовал никакого расположения к духовному поприщу, что из него вышел бы плохой священник, что, если сбежал, то сделал так, чтобы не выбрать неправильного жизненного пути; что не жалеет, однако, лет, проведённых в монастыре, потому что они дали ему много знаний. Эти знания он хочет в настоящее время с помощью дяди пополнить и выбрать себе светскую профессию. Особенно его привлекает профессия художника и в ней он намерен сделать карьеру.

Дядя только кивал головой. Но поскольку в своей сущности он был очень добрый, он в конце концов согласился на проект. Итак, остановились на том, что молодой Жозеф поселится у него и при его помощи завершит своё образование, взамен же за своё содержание будет помогать ему в управлении гостиницей.

— Если ты и дальше будешь лениться и дурака валять, — добавил достойный Ансельм Браконьери в конце, — тебя ждёт то, от чего ты сбежал от Бонифрателли. Я дам палкой по

спине и прогону на все четыре стороны. Потом пусть тебя опекает наша Пресвятая Богородица!

Но Бальзамо рьяно взялся за учёбу. Его в самом деле привлекала профессия художника и он быстро приобрёл в ней значительные навыки. Кроме того, потихоньку, в тайне от дяди он начал брать уроки танца и фехтования, потому что ни в коем случае не собирался останавливаться на профессии скромного художника. Уже с малолетства в душе маленького Джузеппе сновали какие-то странные мечты и планы. Неизвестно почему, ему казалось, что у него есть призвание к каким-то необычным делам, что не может остановиться и удовлетвориться скромной судьбой. Не раз, когда он лежал в тенистом саду Добрых Братьев в Картагироне, ему грезилось, что он великий господин, разъезжает по миру в позолоченной карете, окружённый роем галантных слуг, все ему низко кланяются, и разбрасывает горстями золото. Да, быть большим господином, иметь возможность позволить себе всё — такова была мечта Бальзамо.

Неважно, каким образом, лишь бы достать до вершин. Любое средство было хорошим, лишь бы выбиться, лишь бы завоевать столь желанное золото.

Мог ли он мечтать о подобной карьере в духовном поприще, имея простое происхождение, когда только дворяне и сыновья знаменитых родов получали сан кардиналов, епископов?..

Профессия? Собственно, зачем нужна была профессия, лишь бы мудро устроиться в жизни!

Потому что Бальзамо был, может, атавизмом еврейского происхождения, и уже с детства сочетал в себе неудержимые амбиции и безделье с полным отсутствием моральных зазрений совести. Цель оправдывает средства, а всякое средство хорошо, лишь бы достичь цели.

Тогда он научился рисовать, но по сути не собирался становиться ни художником, ни гравёром. Это была малооплачиваемая профессия. Зато он старался приобрести кое-какие хорошие манеры, купил себе приличную одежду, кроме того, несколько книг. Откуда он брал на это деньги? Мы скоро узнаем. Дяде, когда тот увидел его нарядным, он объявил, что продал несколько сделанных им гравюр. Это очень растрогало господина Браконьери, смотрящего с одинаковым уважением на книги, которые изучал дома племянник. Возможно, он меньше восхищался бы Бальзамо, если бы знал, за какие деньги они были приобретены, а так же мог познакомиться с их содержанием. Увы, читать он не умел, а Бальзамо свои дела скрывал очень ловко.

Эти книги были сборниками разных магических правил, как то: "Ключи Соломона", "Красный дракон", "Способы найти сокровища и общаться с духами". Уже в монастыре в руки Бальзамо попал однажды подобный труд, который украдкой и с полной добросовестностью штудировал его настоятель-аптекарь. Бальзамо потихоньку, без ведома своего учителя, смог его полистать, а прочтение пробудило полёт не только его воображения. Он понял, каким сильным оружием могут быть для человека без зазрения совести эти не раз идиотские правила, служащие исключительно для одурачивания ближних. Он понял это; когда убежал из монастыря, решил любой ценой приобрести подобные труды и извлечь из них гораздо больше пользы, нежели из скромной гравировальной работы.

Но откуда он брал деньги на эти довольно дорогие покупки?

Как мы знаем, за то, что дядя вкладывал в его образование, он должен был помогать ему в управлении гостиницей. Но в кабак господина Браконьери приходили не только одни достойные и богобоязненные люди. Напротив, его посещало много небесных птиц и разных подозрительных типов в Палермо. С этими неоднозначными людьми Бальзамо завёл дружеские отношения. Поэтому скоро начали поговаривать, что, если идёт речь о помощи в каком-нибудь тёмном деле или отличном сокрытии украденного товара, то лучше всего было обратиться к племяннику старого Браконьери. Мало того, когда всплыла скандальная история с поддельным завещанием богача из Палермо, маркиза Мауриги, который должен был переписать имущество дальнему племяннику, обойдя ближайших родственников, в преступных сферах шептали,

что подпись на том завещании была замечательно подделана одним молодым художником по имени Бальзамо, за что тот племянник должен был щедро ему заплатить. В результате этих слухов к старому Браконьери явилась даже полиция и долго допрашивала Бальзамо. Но тот с таким возмущением отражал обвинения, а дядя так энергично его защищал, что *гениального* художника быстро оставили в покое. Тем более, что власти того времени, не имея нынешних способов распознавания фальшивки, не имея возможности разобраться с фальшивой подписью, в конце концов завещание утвердили.

Так прошло несколько лет, и может, ещё дольше жил бы Бальзамо у дяди, не подозревавшего о его истинных делах, если бы один скандал не вынудил его покинуть дом.

После истории с завещанием маркиза Мауриги он стал осторожнее и порвал свои связи с преступным миром Палермо. Но деньги скоро исчерпались, а Бальзамо научился жить и не имел охоты рисковать второй раз, но между тем в его голову пришёл другой отличный план.

А именно, у дяди Браконьери, вдовца, была дочка, Беттина. Молодая девушка, когда Бальзамо жил в доме её отца, была ещё совсем ребёнком.

Но за последние несколько лет она развилась и выросла в красивую девушку. Джузеппе сам с восхищением смотрел на красивую кузину и восторгался её стройной фигуркой, прекрасными чёрными волосами и гигантскими голубыми глазами. Но хотя он сам очень любил женщин, и не одна смазливая служанка в гостинице старого Браконьери много могла бы об этом поведать, он чувствовал, что тут ничего не добьётся и что дядя выбьет палкой из его головы всякие романы.

Зато ему на ум пришло кое-что другое.

Не он один восхищался прекрасной Беттиной. И другие пытались заслужить расположение девушки, а среди них молодой, красивый и богатый граф дель Кампо. Он постоянно крутился возле гостиницы и всякий раз заходил туда на рюмку палерна. Однако он был робок, а до Беттины не так легко было достать, потому что Браконьери охранял её, как зеницу ока.

Этой ситуацией воспользовался Бальзамо.

— Господин граф, — сказал он однажды удивлённому юноше, — я в курсе, что вам нравится моя кузина, вы тоже ей нравитесь. Но всякая личная с ней встреча временно невозможна. Зато, если бы вы, господин граф, захотели воспользоваться моим посредничеством, ручаюсь, что любая ваша карточка будет принята Беттиной с истинной радостью.

Дель Кампо был восхищён тем, что нашёл такого ловкого посла в особе двоюродного брата своей возлюбленной. Недолго думая, он написал письмо, в котором признавался Беттине в своей любви, и доставил его Бальзамо.

Бальзамо знал, что Беттина тоже равнодушна к красивому графу, и легко получил от неё ответ, и тем же путём через него завязалась переписка.

Но, когда на этих довольно невинных любовных признаниях прошло некоторое время и обе стороны приобрели к нему полное доверие, он схватился за другие средства. По-прежнему рассказывая графу, что личная встреча с Беттиной исключена, он раз за разом стал появляться у влюблённого и рассказывать ему, что кузине срочно нужна какая-нибудь сумма денег или драгоценностей, а тот, счастливый, ему их давал. Конечно, как деньги, так и драгоценности Бальзамо очень спокойно присваивал себе и никогда они до рук кузины не доходили.

Этот процесс продолжался долгое время и, может, не скоро бы прекратился, если бы мать графа, де Сципио, однажды не подслушала разговор с сыном своеобразного посла и, возмущённая значительными суммами, какие тот из него вымогал, не обратилась напрямую с упрёками к старому Браконьери.

— Ваша дочка, — воскликнула она с гневом, вбегая с истинно итальянским темпераментом в гостиницу, — притворяется невинной, а хорошо умеет вымогать деньги у людей. Моему сыну нет ещё и двадцати лет и пусть это использование его закончится. Иначе я обращусь за помощью к соответствующим властям.

— Графиня, не жара ли, царящая в Палермо, привела вас к внезапному помешательству? — спросил Браконьери в ярости. — С кого Беттина вытягивает подарки и деньги? Что это всё значит?

Послали к Беттине. Та, конечно, расплакалась от страха и призналась в тайной переписке с молодым графом при посредничестве Бальзамо. Ни о денежных суммах, ни о презентях она совершенно не знала и её возмущение было так искренне, что, как Браконьери, так и старая графиня ни на минуту не могли усомниться в её невинности.

— Этот негодяй, этот подлец устроил всю эту историю! — наконец выпалил Браконьери, угадавший правду. — Я всё верну графу, до последнего гроша, что якобы получила от него моя дочь, но этого негодяя в этот раз палка не минует!

Она в самом деле его не миновала. Когда, через несколько минут после ухода графини, он, ничего не подозревая, явился домой, Браконьери, не говоря ни слова, запер дверь на ключ и устроил ему такую порку, что, как позже рассказывали соседи, сломал на нём не одну, а две палку.

— Вот тебе... вот тебе... — рычал он, — это за подарки... за Беттину! Ты будешь торговать моей Беттиной!

Бальзамо был довольно отважен, а главным образом компенсировал это высокомерием. Однако атака дяди наступила так неожиданно, что он не мог ни объясниться, ни защищаться. Тогда ему оставалось одно спасение — побег. Он выбил окно, а поскольку это происходило на втором этаже, он выскочил через него и начал убежать.

— Чтобы я больше никогда тебя не видел! — кричал за ним красный от гнева дядя, размахивая остатком сломанной палки. — Приду на тебя поглядеть, когда будешь болтаться на виселице.

Таким образом Бальзамо раз и навсегда порвал свои связи с семьёй.

Что ему было делать дальше? У него ещё оставалось кое-что из денег, преступно выманных у дель Кампо, и на эти деньги он нанял себе небольшую комнатку в предместье Палермо. На что было жить? А так как Бальзамо любил и красивую одежду, и хорошую еду, и красивых, смуглых девушек, поглядывающих на него милостивыми глазами, он решил воспользоваться своим умением, но отнюдь не на поприще художника, которое особенно после авантюры с дядей и без его поддержки не могло обеспечить больших доходов.

Он просто решил использовать свои познания, взятые из разных "ключей Соломона" и "Красных драконов", стать малозначительным чернокнижником, человеком, которому никакие тайные дела не чужды. Само собой разумеется, в этот период Бальзамо не имел ни малейшего понятия о настоящих секретах оккультизма и большинство его "чудес" основывалось на обычном одурачивании наивных и фокусах. К ним он присовокуплял некоторые примитивные знания из области химии и медицины, которые он вынес ещё из монастыря. Но уже тогда в нём пробивалась некая сила, которую мы могли бы охарактеризовать, как гипнотическая сила, и которая помогала ему привлечь на свой двор наивных и впечатлить их глупейшими фокусами.

Итак, Бальзамо поселился в предместье Палермо, и старался убедить соседей, что он необычный человек. Среди продавцов рыбы, портовых носильщиков, лаццарони и любимых горничных скоро разошлась новость, что юный, тогда семнадцатилетний, Бальзамо умеет готовить знаменитые любистоки, продаёт талисманы, предохраняющие от сглаза, безошибочно предсказывает будущее, а также советует, как кто должен поступить в жизни, более того, он открывает с помощью чар пути к богатству, и даже умеет вызывать духов. Одним словом, нечто в роде нашего мошенника-вредителя.

Сам Бальзамо, конечно, пытался как можно больше распространить подобную информацию, а для приобретения славы ему помогал внешний вид: сосредоточенное и мрачное лицо, надменные манеры, большие, горящие чёрные глаза. С людьми обращался свысока. Ещё лучше: желая привить в простачках убеждение, что имеют дело с кем-то необыкновенным,

свою дерзость он простирали до той степени, что рассказывал — ибо его родителей в Палермо прекрасно знали — что были это только приёмные родители, на самом же деле он происходит из знатного рода, и ушёл от дяди, потому что окружение не соответствовало его аристократическим привычкам. У него это тем легче получалось, что дядя, опасаясь скандала, молчал о настоящих причинах их склоки, и когда его спрашивали о том, что он думает о новой карьере своего племянника, он пожимал плечами и бурчал с гневом, что это вовсе не его племянник и что он не хочет знать подобную птицу.

Тогда преимущественно влюблённые лавочницы и субретки приносили Бальзамо свои сбережения, и ему всё хорошо удавалось. Но этих сравнительно небольших сумм, однако, полностью обеспечивающих богатый образ жизни, и даже гулянки, потому что Бальзамо, снимая вечерами костюм волшебника, любил развлекаться, не хватало юноше, поглощённому неудержимым тщеславием и лишённому всяких зазрения совести. Он мечтал выбраться из родного Палермо, где, однако, слишком хорошо его знали, ворваться в лучшее общество и выплыть в широкие воды.

Век XVIII был веком авантюристов, которые, выходя из самых низких сфер, потом добивались высочайших богатств и почестей, бросая людям пыль в глаза. Они плыли по жизни, словно по бурным волнам моря, не зная никаких забот и утопая в роскоши, вооружённые единственно необыкновенной наглостью и отсутствием каких-либо моральных принципов и, как они сами часто говорили: наши состояния находятся в карманах наших ближних. Бальзамо об этом всё знал, но для начала подобной "карьеры" нужна была более значительная денежная сумма.

Он только ждал счастливой возможности — и вскоре случай пришёл ему на помощь.

В Палермо жил некий Марано, старый ростовщик, крайне жадный до денег, но в то же время человек глупый, суеверный и верящий в различные *чрезвычайности*.

Он прочитал в какой-то книге, что с помощью магии можно найти спрятанные богатства, а поскольку ходила легенда, что в горе, находящейся поблизости от Палермо, закопаны сокровища, только никто не может найти к ним дороги, он давно думал, где бы можно найти волшебника, который помог бы в этом предприятии. А коль скоро по городу разошлась новость о новом чернокнижнике Бальзамо, он решил его отыскать и представить ему свой план.

Несмотря на то, что более серьёзные люди отзывались о Бальзамо только со смехом, он пошёл к чернокнижнику — и его сгубила собственная жадность.

Бальзамо чуть не подскочил от радости, когда услышал, о чём речь. Наконец подвернулась возможность; он на Марано давно расставлял силки, не знал, однако, как к нему приблизиться. Однако он не подал виду. Напротив, он долгое время молчал, после чего, сморщив лицо, ответил будто бы в задумчивости, что всю эту вещь нужно обсудить, посоветоваться ночью с духами, и что завтра даст окончательный ответ.

Назавтра он встретил Марано с уже безоблачным лицом.

— Радуйтесь, сеньор, — воскликнул он. — Ответ духов успешен! Не будем терять времени! Пойдём немедленно в сторону горы!

А когда они там оказались, он говорил дальше:

— Вы совершенно правы! В гроте, находящемся в горе, спрятаны неиссякаемые сокровища. Увы, мне лично нельзя войти в этот грот, потому что этому препятствуют духи Самаиб, Аколиаб и Лилит, и я не вышел бы живым. Но вам можно это сделать и, наверное, найдёте богатства, когда будете следовать моим указаниям. Впрочем, добрые духи, которые мне это сегодняшней ночью объявили, обещали, что ещё раз повторят свои поучения, когда мы окажемся рядом с этой горой. Давайте встанем на колени и подождём их приказа.

Марано мало что понял, но серьёзная мина Бальзамо произвела на него впечатление.

— Когда мы опустимся на колени, мы услышим голос духов? — спросил он с уважением. — Я достоин подобной чести?

Бальзамо только кивнул. Они встали на колени у входа в грот и какое-то время напряжённо ждали. Вдруг Марано вздрогнул и побледнел от волнения. Откуда-то, казалось, из облаков, начал говорить таинственный голос:

— Сегодня в полночь войдёшь без страха в грот и подождёшь, пока не появится красный огонёк. В том месте, где он покажется, немедленно копай! Ты найдёшь несметное количество золота и драгоценных камней... Только одно... Чтобы избежать всякой опасности, прежде чем войдёшь в грот, положишь у входа шестьдесят унций золота, как жертву для злых духов.

Голос умолк. Бальзамо встал с колен.

— Шестьдесят унций золота? — воскликнул в ужасе Марано, в котором боролись страх лишиться этой довольно значительной суммы с желанием раздобыть гигантское состояние. — Но я бедняк! У меня нет столько денег...

— Чем я могу помочь?

— Повторяю: у меня нет денег!

— В таком случае, трудно... — Бальзамо пожал плечами и спокойно начал отдаляться в сторону города.

— Мастер! — крикнул внезапно ростовщик, в котором жадность победила подозрительность. — Пойдите, мастер. У меня нет, но я займу. Я как-нибудь раздобуду эти деньги.

Бальзамо невзначай улыбнулся.

— Хорошо! — ответил он. — Так что приходите сюда после полуночи и принесите нужную сумму. Помимо этого, прошу помнить, что вы дадите мне в награду часть добытых сокровищ. Они мне, пожалуй, принадлежат по праву.

— Да... Да... — пробубнил скряга, уже думая над тем, как бы обмануть своего союзника и выделить ему как можно меньше из богатств.

Они повторно встретились перед горой в полночь. Ростовщик даже давно ждал Бальзамо, потому что прибыл на час раньше.

Бальзамо надевает какой-то чёрный плащ, украшенный каббалистическими знаками, приказывает скупцу встать на колени у входа в грот, там положить кошелек с принесёнными унциями, после чего начинает читать заклинания. Он плетёт длинную литанию непонятных слов, у ростовщика аж туманится в голове.

— Уже полночь! — вдруг крикнул он громким голосом. — Встань и смело иди вперёд. А если встретишь какого-нибудь демона, желающего в последнюю минуту затруднить доступ к сокровищам, скажи только слово: "Адраил!" — и злой призрак исчезнет. Иди и возвращайся с золотом и драгоценностями... Я тут, у входа, тебя жду...

Марано исполняет приказ, мысленно повторяя магическое слово: "Адраил!", но, уходя, будто бы тронутый плохим предчувствием, оглядывается на кошелек с унциями, лежащий на земле.

— Идите уже, идите! — торопил его чародей. — Лучик покажется через несколько минут! Оглядываться нельзя!

Ростовщик исчез в подземном коридоре. Однако, едва он смог сделать несколько шагов, как из-за какого-то поворота выскочило четыре страшных дьявола. Повалили его на землю, не жалея сильных ударов, несмотря на то, что Марано кричал всемогущее слово: "Адраил!"

Его оставили в покое только тогда, когда бедный Марано уже не мог двинуться. Так он лежал, побитый, может, с час; наконец, остыв от ужаса, он выбрался из грота, очевидно, не увидев ни красного лучика, ни сокровищ.

Хуже того, у входа в грот он не застал уже чародея, который подверг его такому неприятному приключению. Он не нашёл также кошелька с унциями — и тогда он всё понял.

Марано имел счастье ещё раз, спустя много лет, лицезреть *чудотворца*, когда он триумфально въезжал в Страсбург. Но не будем опережать событий.

Глава II

Альтотас

С унциями, украденными у старого скупца, Бальзамо сел на корабль, плывущий в Мессину. В этом городе проживала его тётка, Винсентина Калиостро, и он думал, что у неё найдёт безопасный приют. Он не боялся преследования полиции, поскольку при тогдашней немощи и лени итальянских органов безопасности было маловероятно, что палермским сбиром — так в то время назывались сотрудники полиции — захотелось кого-то искать за чертой их города. Однако он предпочитал поселиться у родственницы, чем у чужих людей. Но в это время тётка умерла, о чём он не знал, не оставив в наследство ничего, кроме фамилии. Этой фамилией позже воспользовался Бальзамо, во второй половине своей жизни, украсив её графским титулом.

Поэтому из необходимости нашему авантюристу пришлось нанять комнату в гостинице. На золото, приобретённое преступлением, он решил придать себе господский вид. Он заказал несколько прекрасных костюмов у перворазрядного портного, закупил много изысканного шёлкового белья, а также несколько штук тончайшей, но сильно бросающейся в глаза бижутерии. Он быстро нарядился в красивую одежду, придав себе внешность богатого путника, и крутился по Мессине, довольный низкими поклонами слуг и купцов, которыми его приветствовали.

Но деньги Марано, которыми он вдобавок должен был поделиться с "четырьмя дьяволами", таяли при подобных убытках быстро. Он уже напрягал свой мозг на выдумку нового трюка, чтобы заполнить сильно опустевшую кассу, которой больше чем на несколько дней при подобном образе жизни хватить не могло, когда потом произошёл случай, который ощутимо повлиял на дальнейшую его судьбу.

Прогуливаясь как-то вечером, изящно одетый, по Мессинскому парку, который являлся местом встреч изысканного местного общества, он заметил какого-то пожилого господина, сидевшего на лавке, который внимательно на него смотрел. Был это мужчина с длинной седой бородой и необычайно живыми глазами, возраст которого на первый взгляд нельзя было определить. Ему могло быть как шестьдесят лет, так и восемьдесят, или больше. Но в его худой и высокой фигуре, в движениях и выражении лица пробивалось что-то, что невольно заставляло уважать.

— Станный человек! — пробежало в уме Бальзамо. — Он безоговорочно принадлежит к высшим сферам и, видно, привык приказывать... Но почему же он ко мне так присматривается?

В самом деле незнакомец не спускал глаз с нашего героя. Бальзамо решил воспользоваться этим наблюдением. Подобное знакомство могло пригодиться; а может, достойный старик принимал его за кого-то другого?

Со своей обычной наглостью он приблизился к незнакомцу.

— Я вижу, вы рассматриваете меня, достойный господин! — сказал он, вежливо приподняв шляпу. — И у меня такое впечатление, будто мы уже с вами встречались.

— Сомневаюсь! — сказал седобородый мужчина и слегка улыбнулся.

"В таком случае, — хотел добавить Бальзамо, — почему рассматриваешь меня?"

Но дальнейшие слова, какие он услышал, наполнили его удивлением.

— Сомневаюсь, — повторил незнакомец. — До сих пор мы ни разу не сталкивались. Разница только в том, что я отлично тебя знаю, юноша, тогда как ты вовсе не знаешь меня.

— Вы знаете меня, господин? — удивлялся он всё больше.

— Тебя зовут Жозеф Бальзмо и ты убежал из Палермо! — слышались многозначительные слова. — Ты сбежал, потому что оставаться в этом месте было опасно.

Он побледнел. Не был ли незнакомец полицейским, и не угрожала ли ему опасность?

— Каким образом? — пробубнил он.

На губах незнакомца заиграла ещё более загадочная улыбка.

— Каким образом я всё это знаю? Сейчас не время объяснять. Я только хотел тебя предупредить, юноша: когда, так красиво нарядившись, ты гуляешь по этому саду, грабитель разбивает ящики в твоей комнате в гостинице и намеревается украсть оттуда твою оставшуюся одежду и бельё, купленные на деньги бедного Марано.

— Меня намерены обокрасть?

— Да! Беги скорей, может, помешаешь грабежу. Лучшее доказательство, что не хочу тебе сделать ничего плохого, есть то, что предупреждаю об этом факте. А потом возвращайся. Застанешь меня и через час на этой лавке.

Бальзмо, как безумный, помчался в свою гостиницу, и поспел вовремя, чтобы схватить одного из слуг, грабившего его сундук. Только когда смог спасти от кражи свои не очень честным образом приобретённые пожитки, он остыл и задумался над приключением.

Кем был этот таинственный старец, одарённый способностями видеть на расстоянии? Кем был этот человек, который читал в других, как в открытой книге? Что это всё означало?

Не откладывая ни на минуту, он побежал обратно в парк. Незнакомец продолжал заниматься то же место и, казалось, ждал его.

— Сударь, — пролепетал Бальзмо, глядя с удивлением и уважением на старика, — всё было так, как вы сказали. Кто вы, сударь, и почему обратили на меня внимание?

Незнакомец в течение минуты внимательно смотрел на Бальзмо.

— Меня зовут Альтотас! — ответил он. — Но это имя не много тебе скажет. Кто я? Человек, который хочет изучить тайны природы, загадки жизни и смерти. Почему я обратил внимание на тебя? Потому что я ищу ученика...

— Я стал бы учеником? После того, как вы знаете обо мне всё?

Тот, который назвался Альтотасом, ответил не сразу. Он молчал, можно сказать, о чём-то размышляя.

— Каждый носит в себе зачатки добра и зла. Какие победят, зависит от него. Ты до сих пор был ничем, соломинкой, бросаемой ветром, а скорее земными склонностями. Исключительно от тебя зависит стать другим человеком. Если согласишься на это, открою тебе другой мир. Потому что имеешь некоторую силу, которую я сразу заметил, высшую силу, данную не каждому; и долго я искал ученика, который бы её имел. Ты даже сам не подозреваешь этого, а я обратил на тебя внимание, потому что вижу скрытые способности. Даже самый благородный не делает ничего, когда не имеет этой силы и этих способностей, но также самый способный не делает ничего, если он не сможет стать благородным. Скажи искренно, ты достаточно чувствуешь силы воли, чтобы возродиться? Забыть о прошлом? Ты изучал тайную науку, но схватил из неё самую жалкую часть — глупое волшебство и шарлатанство. Я дам тебе настоящие знания... Говори: хочешь стать магом?

Бальзмо охватило странное волнение. Перед ним открывались новые миры и новые горизонты и таким образом никто с ним не разговаривал. Читая до сих пор разные магические труды, он читал о настоящих посвящениях, а не шарлатанах, которые подчинили силы природы, и мечтал о том, чтобы встретить одного из них. Недавняя сцена убеждала его в силе Альтотаса, а под влиянием его слов, ему казалось, что сам станет лучше.

— Магистр! — шепнул он. — Возьмите меня учеником! Я стану другим человеком...

Итотас (иногда его называли Альтотас) действительно существовал, а не был выдуманной личностью, как кто-нибудь из читателей этого рассказа мог бы предположить. Был он по происхождению грек, или испанец и проживал в разных странах, но пребывания его были

такими таинственными и короткими, что позже даже Инквизиция, изучая во время процесса различные превратности жизни Бальзамо, не смогла собрать более точной информации. Где он родился, сколько лет жил, остаётся загадкой. Мы знаем о нём только то, что это был человек огромных и универсальных знаний, химик, астролог, физик, натуралист, лекарь и маг, и что неоднократно давал доказательства своих необычайных познаний. Бегло владел почти всеми европейскими языками, также восточными, как то турецким, персидским и арабским. Он долгие годы провёл в Египте, возможно, закрывшись в одной из пирамид.

Вот учеником какого человека стал Бальзамо. Альтотас занимал маленький домик в Мессине, окружённый садами, и у него поселился наш герой. Кроме магистра, там находился слуга-негр, который не отвечал ни на какие вопросы, молчал, как заколдованный, ограничиваясь только исполнением приказов.

Домик Альтотаса состоял из трёх комнаток. Одна из них была спальней мудреца, другая — кабинетом и в то же время алхимической лабораторией, третья была предназначена для Бальзамо.

Тот в начале старался расспросить своего учителя. Хоть чувствовал к нему безграничное уважение, его мучила мысль, кем на самом деле был этот старец и какие приключения ему пришлось пережить. Однако ничего более точного он узнать не мог, а Альтотас, утомлённый его расспросами, однажды так сказал:

— Придёт время и узнаешь мою жизнь! Сейчас это слишком рано. Я старый, очень старый. Значительно старше, чем ты думаешь. Мне, однако, известны тайны продления жизни и сохранения силы тела. Умру тогда, когда мои мастера меня к себе призовут. Вся свою жизнь я посвятил науке. В данный момент я знаю двенадцать языков, умею создавать золото и драгоценные камни. Я знаю всё и ни одна из тайн природы мне не чужда. Ничего меня не радует и ничто не делает грустным, кроме зла, которое совершает человек. Но я сохраняю постоянную безмятежность духа. Действительно ли меня зовут Альтотасом? У меня уже много было имён; в настоящее время меня зовут так, хоть так же хорошо я мог бы использовать графский или княжеский титул. Об остальном не спрашивай... Узнаешь, когда придёт подходящее время.

Если Альтотас в деталях о себе был очень скуп, зато вёл со своим учеником долгие разговоры, из которых тот мог сделать далеко идущие выводы.

Так он ему рассказывал, что существует на свете некая сила, обладание которой делает человека всевластным. Эту силу он называл в целом волнами эфира или лучами астрала. Он говорил, что каждый человек имеет остатки этой силы, связывающей его с целым космосом. Что с этой силой можно творить чудеса, раздваиваясь, свободно переноситься с места на место, видеть спрятанные вещи, будущее и прошлое, общаться с невидимым миром, находить несметные сокровища, управлять умами и сердцами людей. Обладание этой силой превращает обычного человека в мага, высшее существо, некоронованного монарха и властелином человечества.

Однако этой силой обладают немногие. Для этого нужны три вещи: прирождённые способности, знания, управление собственным характером и посвящение. Без прирождённых способностей никто не достигнет значительных результатов. Но, даже имея их, он должен приобрести основательные и всесторонние знания. Имея же и способности, и знания, он должен стать благородным человеком, поскольку иначе не получит окончательного посвящения, то есть указания, как обладать этой силой. Поскольку существуют мудрецы, — тут Альтотас вспомнил, наверное, о себе, — которые обладают секретом, который передаётся веками в величайшей тайне обладания этой силой, но передавать его могут только ученикам, к которым питают полное доверие. Ибо эту силу можно использовать, как на добро, так и на зло, а в руках коварного человека она может стать страшным оружием против человечества.

— Да, юноша, — говорил он, заканчивая свои выводы, — я выбрал тебя, потому что Создатель одарил тебя колоссальными способностями. Я выбрал тебя, потому что ты ещё очень

молод и можешь измениться. Я выбрал тебя, потому что целые годы искал ученика, который бы имел хоть вполовину меньше данных, чем ты, и не мог его найти. Но я боюсь будущего... Тебя ждёт долгое испытание, и не знаю, выдержишь ли ты... Я выбрал тебя, потому что не было другого выбора, а каждый из нас, посвящённых, должен найти себе заместителя. Но я боюсь, хватит ли у тебя силы воли и не разочаруюсь ли я в тебе.

— Не разочаруетесь, магистр! — отвечал Бальзамо с глубоким убеждением.

Свои лекции Альтотас часто переплетал примерами.

Он рассказывал о тайных братствах, которые с начала мира являются хранителями этой силы. Рассказывал об особенных людях, которым удалось получить посвящение и благодаря этому творить необыкновенные вещи.

Так он говорил об Аполлонии Тианском, который умел творить чудеса, и при жизни, как утверждал Альтотас, был унесён на небеса. Он противопоставлял ему Шимона Мага, человека злого, но одарённого сверхъестественной силой, который использовал эту силу не для блага человечества, а для низменных личных целей, и благодаря этому умер подлой смертью. История Шимона Мага была сдерживающим примером для всех адептов, которые в тайных науках искали только удовлетворения своего тщеславия, жажды власти или умственных радостей — тут мудрец серьёзно смотрел на Бальзамо.

Дальше он рассказывал ему о знаменитом Христиане Розенкрейце, основателя братства Розенкрейцеров, который, получив посвящение в каком-то восточном городе Дамкаре, передал свою мудрость многочисленным ученикам, а те имеют секрет философского камня, то есть той первоначальной субстанции, которая позволяет жить большое количество лет, превращать любые металлы в золото и общаться с духами. Часть этих поучений, но очень туманная, была выложена в сочинениях мага XVI века Корнелия Агриппы, а также в "Небесном браке" Христиана Розенкрейца, но кто секрета не знает, ничего из этого не поймёт и сам никогда не найдёт философского камня, то есть эликсира жизни. Тайной же обладают только немногие muži, которые получили её в наследство от Розенкрейца, или от других восточных мудрецов, и дальше передают её своим ученикам. Тут Альтотас однозначно намекал на себя и Бальзамо.

Он не ограничивался только словами. Однажды он привёл Бальзамо в свой кабинет и указал на маленькое, чёрное, висящее на стене зеркальце.

— Хочешь увидеть своего дядю и кузину? — спросил он.

Джузеппе мало понял, но кивнул головой.

— Смотри, — приказал Альтотас, ставя его перед этим, казалось, запylённым зеркалом.

Бальзамо внимательно смотрел. Через мгновение он заметил, что в глубине зеркальце становится более светлым и что из него выплывают какие-то картины.

— Невероятно! — воскликнул он, не в состоянии сдержать своего удивления.

В самом деле, теперь он отлично мог разглядеть гостиницу дяди Браконьери и его самого, суемящегося в саду. Дальше он увидел сидевшую на лавке среди цветов Беттину, улыбающуюся и занятую какой-то работой. Эта картина продолжалась довольно долго, наконец исчезла.

— Невероятно! — повторил он, когда слегка остыл от удивления. — Магистр, научи меня вызывать подобные видения!

— Ещё не время! — снова отвечал Альтотас. — Ты для этого слишком мало очищен и духовно совершенен!

Бальзамо покрывал недовольство улыбкой, но как же в целом был зол на то, что Альтотас читает в его душе, как в открытой книге. Потому что, хотя под влиянием настоящего образа жизни и наук мудреца он чувствовал, что становится лучше, благороднее, он всякий раз ловил себя на мысли, как было бы хорошо с помощью этих секретов приобрести неизмеримые богатства и власть над миром. Как часто его охватывало гневом мнение Альтотаса, что истинный мудрец должен отказаться от всевозможных амбиций, а его путь — это одна группа добрых учеников и самоотречение для других. Он пытался, как мог, побороть эти злые порывы, но

они ещё очень сильно в нём прорастали, и он отлично понимал, что ни один из них не избежал внимания Альтотаса.

— Изменяюсь, изменяюсь... — повторял он с резкостью, но затем его охватывал страх, в самом деле ли он сможет измениться.

Однако до поры до времени он прикидывался перед старым философом, как мог, и снаружи казался совершенно другим человеком.

Верил ли Альтотас в это предполагаемое исправление? Сомнительно, потому что не посвящал Бальзамо ни в какие более важные магические секреты, ограничиваясь только его общим воспитанием и более мелких алхимических опытах. Но именно в этих опытах Бальзамо выказывал столько понятливости, что Альтотас не имел сил расстаться со своим учеником, хоть чувствовал, сколько плохих наклонностей таятся на дне его натуры. Может, он думал, что с течением лет Бальзамо окончательно изменится и что он найдёт в нём достойного преемника. И, словно желая его вырвать из среды, в которой он находился до сих пор, он решил предпринять с ним долгое путешествие. Они поехали из Мессины в колыбель всех таинственных наук и посвящённых — в Египет.

Они долго находятся в Александрии и посещают храм в Луксоре. Альтотас даже заводил своего ученика внутрь пирамид и там познакомил его со священниками, с которыми давно связывали мудреца дружеские отношения.

— Ты будешь великим и толпы будут бить тебе поклоны, — сказал один из священников, смотря на Бальзамо, — но не знаю, счастье ли это? И помни, что с вершин падение бывает более страшным!

Альтотас только кивал головой, как если бы это пророчество подтверждало его собственные наблюдения. Однако он не сказал ни слова. А Бальзамо задрожал в душе от радости.

— Стало быть, я буду великим и толпы будут бить мне поклоны! — шепнул он.

Из Египта они направились на остров Родос, где какое-то время жили, занимаясь алхимическими операциями. Оттуда Альтотас намеревался поехать в Каир, но встречный ветер занёс их на Мальту, и изначально планируемое короткое пребывание сменилось куда более длительным по следующей причине.

Тогдашний великий магистр мальтийского ордена Пинто был горячим адептом алхимии и магии. У него была богато оснащённая лаборатория и он глубоко верил, что при помощи соответствующих операций можно было найти эликсир жизни, а также превращать металл в золото.

Поэтому нет ничего удивительного, что когда он услышал, что на Мальту прибыл славный Альтотас, пользующийся репутацией великого посвящённого, он направился к магистру и просил его до тех пор, пока тот не согласился остаться дольше и вместе с ним совершить несколько алхимических опытов. Так что Бальзамо поселился вместе со своим учителем во дворце великого магистра, и первый раз оказался на дворе настоящего государя, окружённый всеобщим уважением как ученик Альтотаса.

Только теперь он по-настоящему узнал изысканный свет, и так же как путешествия с Альтотасом по востоку расширили его знания и ум, пребывание на дворе Пинто дало ему общественный кругозор. Поскольку на обедах у великого магистра бывало самое изысканное мальтийское общество. Не только шевалье, но и прекрасные маркизы и графини, не менее ревностные сторонники тайных наук, чем их супруги, спешили, чтобы увидеть необычного человека, каким был таинственный мудрец. Хитрый Бальзамо, постоянно общаясь с новыми знакомыми-аристократами, сам приобрёл хорошие манеры, благодаря чему позже также мог сойти за аристократа.

Как мы знаем, мечтой Пинто, что, впрочем, занимало многие общественные умы, было найти "философский камень". Об особенностях этого "камня" мы уже несколько раз вспоминали и пять из них были главнейшими: продление до бесконечности человеческой жизни, ода-

рѐнной вечной молодостью, то есть преобразование даже дряхлого старика в мужчину в самом расцвете сил; лечение всех болезней; возможность общаться с духами и приказывать им; превращать любые металлы в золото.

Само определение "философский камень" было только фигуральным, общим понятием, поскольку маги, их адепты, описывали этот "камень", или также "эликсир жизни", или "первоначальную субстанцию" — то как жидкость, то как порошок. Искали его всюду, где только можно, не только при помощи химической комбинации, но даже пытаясь его вытянуть из человеческого тела, и... что ни в коем случае ни шутка, фильтруя мочу (!), которая после самых разнообразных изменений должна была дать тот знаменитый порошок.

Младшие адепты, не сумев справиться с поиском "materia prima", были удовлетворены попытками трансмутации металлов.

Великий магистр Пинто, кроме алхимической лаборатории, имел не менее богатую библиотеку, в которой были все важнейшие труды из этой области. Поэтому у него были книги Раймонда Луллы, "Зерцало тайн" Роджера Бэкона, "Цвет цветов" Арнольда из Вилланера, "Гробница Семирамиды, открытая для мудрецов Филалета", "Книга двухсот дверей" Ж. Рипли, труды Парацельса, Агриппы, Альберта Великого и многих других. Но все эти книги, написанные умышленно туманно и таинственно, конечно, не могли ему дать ключ к разгадке. Потому что и по сути дела — о чём не подозревал Пинто — эти труды были ни чем иным, как набором напыщенных фраз, скрывающих полное невежество авторов, которые, желая тем больше сбить с толку читателя, постоянно ссылались на то, что им нельзя окончательно выдать тайну, так как они были бы сурово наказаны "невидимыми начальниками", а адепт сам должен был догадаться о скрытом смысле их слов.

Ничего удивительного, что Пинто, потратив долгие годы, как, впрочем, и другие "академики", на бесплодных поисках, теперь встретив настоящего "посвящённого" Альтотаса, заранее радовался, что с его помощью он добьётся того, чего до сих пор ему не удалось достичь, и найдёт "эликсир жизни", который омолодит его, а также обеспечит горами золота, которое сможет поддержать его сильно расшатанное алхимическими экспериментами и роскошным образом жизни состояние.

Поэтому сразу в первый день он сказал Альтотасу:

— Мастер, я знаю, что трансмутация металлов не всем дана, но есть люди, которые имеют её секрет. Они иногда даже появляются не у адептов и сторонников тайных знаний, а именно у людей неверующих, чтобы убедить их в ошибке. Разве я не читал, а этот факт подтверждён неопровержимыми свидетельствами, что к знаменитому химику Ван Хелмонту, который высмеивал философию оккультизма, в Брюсселе, в 1618 году пришёл какой-то незнакомый мужчина и дал ему щепотку философского камня? Этот посвящённый появился только за тем, чтобы убедить учёного, что он несправедливо шутит с алхимическими опытами. Что касается своей особы, он сохранил строжайшую тайну, даже лицо прикрыл плащом. Ван Хелмонт проделал опыт. При помощи порошка, слегка напоминающего меркурий, он превратил семь унций свинца в золото.

— Да, — подтвердил Альтотас, кивая головой, как если бы знал, кем был этот таинственный незнакомец, — я слышал об этом.

— Значит, — кончил свой довод великий магистр, — знаменитый порошок, имеющий необычайные свойства, не легенда. Скажи, необыкновенный муж, у тебя есть этот знаменитый порошок, потому что это общеизвестно?

Альтотас снова важно кивнул головой.

— Со мной его нет! — ответил он. — Ибо я боюсь, как бы "первичную материю" у меня не украли во время моих путешествий и она не попала в чужие руки. Однако в любую минуту я смогу её произвести.

— И откроете мне эту тайну?

— Да, достойный господин! Я посвящу вас в тайну, потому что вы этого заслуживаете.

Почему обычно сдержанный Альтотас так быстро согласился посвятить великого магистра в тайну — неизвестно. Злопыхатели — везде их хватает — конечно, утверждали, что он никогда не обладал секретом "философского камня", не знал, как его "создать", а хотел только продлить своё пребывание на дворе Пинто и выудить из него значительную сумму денег.

Не будем разбираться, как было и кто был прав. Но с той поры в алхимической лаборатории великого магистра закипела лихорадочная работа. Для работ "великого дела", конечно, был допущен и Бальзамо и уже заранее радовался, что узнает секрет изготовления золота. Однако он вскоре разочаровался, потому что его учитель расставлял какие-то реторты, переливал какие-то жидкости из одних бутылок в другие, цедил что-то в перегонном кубе, велел ему следить за огнём, иногда обменивался с Пинто непонятным предложением, используя латинские фразы, доступные только для посвящённых, но что касается порядка и значения работ, он не дал никаких указаний.

Это продолжалось больше полугода — как известно, ни эликсира жизни, ни золота так быстро изготовить нельзя. И неизвестно, чем бы этот эксперимент закончился, а Альтотас оказался бы обычным шарлатаном или незаурядным человеком, если бы тут не возникло неожиданное препятствие.

Однажды утром, когда Бальзамо после бессонной ночи, которую он провёл, следя за ретортами и огнём в лаборатории, вошёл в комнату своего учителя, с удивлением заметил, что тот неподвижно лежит на кровати. Было это тем более удивительно, что философ никогда не спал в кровати, а проводил ночи с книгой в кресле, утверждая, что сон ему, как высшему существу, совсем излишен. Бальзамо также заметил, что лицо мага покрыла необычная бледность.

— Магистр, вы себя плохо чувствуете? — спросил он с беспокойством.

Альтотас медленно открыл глаза. Эти глаза, чрезвычайно живые и горящие, были сейчас мутные и погасшие.

— Мы, посвящённые, — начал он шептать, — никогда не чувствуем себя ни хорошо ни плохо... Поскольку мы не подвержены болезням... Но приходит пора, когда те, которые, управляя нами, приказывают нам уйти, считая, что наша миссия на этом свете закончена.

— Что вы говорите? — выкрикнул Бальзамо в ужасе. — Вы можете умереть? Вы утверждали, что бессмертны!

— Не называй это смертью, сын! — важно зазвучал голос Альтотаса. — Я не умираю, только оставляю тут мою земную, брентную оболочку! Я уйду в лучшие миры, по воли моих высоких начальников, чтобы там в более совершенном образе вести не менее полезную жизнь. Я закончил только моё земное путешествие, которое есть частичкой большой жизни настоящего посвящённого.

Бальзамо не много из этого понял, но холодные капли пота оросили его лоб. Не подлежало сомнению, что маг умирал и что ему оставались считанные минуты.

— А что станет со мной? — вырвался у него искренний окрик, в то время, как на глаза начали наворачиваться слёзы.

Веки мудреца упали и, казалось, что он не произнесёт больше ни слова. Однако вышло иначе и он явно сосредотачивался, чтобы дать Бальзамо ответ на его вопрос.

— Хочешь знать, — наконец сказал он, — какая судьба тебя ждёт? Я скажу тебе то же самое, что ты уже слышал из уст священника в египетской святыне. Твоё будущее принадлежит исключительно тебе и ты вознесёшься на вершины, но с них тебе грозит более опасное падение. Ты также станешь посвящённым, но неизвестно, каким образом распорядишься силой, какая попадёт в твои руки.

— Я стану посвящённым? — прервал Бальзамо. — Каким образом, когда ты меня покидаешь? Ведь я не встречу другого учителя?

— Учителя, нет... — из уст Альтотаса слышался теперь тихий шёпот. — Но будет факт, который хоть частично приоткроет тебе кромку тайны. Это будет, начиная с сегодняшнего дня, через десять лет, в Лондоне.

— Через десять лет, в Лондоне?

— Да, запомни... Через десять лет... В течение этого времени работай, старайся стать совершенным... Ох, я очень боюсь за тебя... Преобладают плохие склонности, преобладает желание наслаждаться жизнью и развлекаться над тягой к истинным знаниям! Остерегайся, остерегайся, Жозеф, — говорил он теперь в каком-то вдохновении, — остерегайся самого себя... И запомни ещё одно... остерегайся женщин... Скорей, женщины... Погубит она тебя... Поскольку для истинного мудреца *amor feminae, mors animae*... Любовь женщины — смерть души. Запомни, сын, эти поучения, и если ты в состоянии, следуй им... А теперь...

Он вытянул к Бальзамо пожелтевшую, дрожащую руку, которую тот покрыл поцелуями. После чего грудь мудреца несколько раз поднялась, из неё раздался протяжный вздох, словно из него улетела душа — и тот, который был таинственным Альтотасом, навсегда ушёл из этого мира.

Смерть мага, прервавшая таким неожиданным образом выполнение "великого дела поиска философского камня", очевидно, вызвала на дворе великого магистра гигантское впечатление. Даже не было недостатка в гнусных сплетниках, которые утверждали, что Альтотас не умер обычной смертью, как мы это описали, а был убит в приступе гнева Пинто, доведённым до последней стадии бешенства дорогими и бесплодными алхимическими опытами. А если серьёзно, то эта версия не соответствует действительности, потому что великий магистр мальтийского ордена устроил магу великолепные похороны и всегда отзывался о нём с большим уважением. Он похоронил его близ своего дворца, а на надгробном камне жители Мальты долго читали следующую надпись:

"Здесь покоится учёный Альтотас, которому смерть не позволила вырвать свои тайны".

Кем был Альтотас в действительности?

Последователи тайных знаний и люди верящие, что в Египте, Тибете и горах Индии существуют великие посвящённые и махатмы, обладающие всеми загадками жизни и смерти, будут утверждать, что был он одним из их учеников. Скептики — что был это обычный мошенник и шарлатан, на- живающийся на таком модном в XVIII веке "искусстве алхимии". Мы же с нашей стороны примем промежуточное решение. Альтотас, или Альтота, был человеком, обладающим абсолютно большими, всесторонними познаниями, у которого был глубокий дар того, что мы сегодня определим, как дар ясновидения. К этому, однако, присоединялись безумие и маниакальность. Умея предсказывать будущее и прошлое, он сам поверил, что является существом сверхъестественным, что рано или поздно найдёт тайны жизни вместе с философским камнем, и эту роль играл до самого конца.

Он занимался оккультными науками, не для того, чтобы вытянуть деньги из других, а потому, что верил, что всё, что они обещают, достижимо, и он умер, может, преждевременно, изнурённый различными опытами и постами, а также чрезмерной и порой бесполезной работой.

После смерти Альтотаса Бальзамо ещё месяц провёл во дворце великого магистра, не зная, что делать. После мага не осталось ничего, что представляло бы какую-либо ценность, а книги, манускрипты, магические приборы забрал Пинто, может, думая, что благодаря им он сам откроет секрет производства золота. Бальзамо был так же беден, как в тот день, когда познакомился с Альтотасом. Должно быть, Пинто догадался об этой неприятной ситуации, потому что однажды он выплатил ему довольно приличную сумму денег, якобы компенсацию за забранные книги и манускрипты. Более того. Поскольку Бальзамо выразил желание отправиться в Неаполь, он представил его одному мальтийскому рыцарю по имени Аквино, который тоже ехал в этот город, и отдал под его попечение.

Они вместе отправились в путешествие. Будущее Бальзамо снова казалось неясным. Нескольколетняя жизнь и путешествия с Альтотасом дали ему только некоторое знание языков, общее образование и манеры. Из настоящих или лживых секретов мага он ничему не научился, кроме нескольких мало значимых правил приготовления лечебных микстур. Желая и дальше как-то так существовать, — а привычки к роскошной жизни развились в нём ещё сильнее — он должен был притворяться, что знает гораздо больше, чем знал в действительности, и что является наследником тайн "великого" Альтотаса.

Сами люди и окружение почти вынуждали его к этому. Потому что, едва он прибыл в Неаполь, кавалер Аквино, выходец из знатного рода, ввёл Бальзамо в местное аристократическое общество, затем начали обращаться к нему различные любители оккультизма, прося, чтобы он, как человек посвящённый в секреты герметичного знания, дал им свои указания. Он делал это, болтая как можно больше, и благодаря этому играл в местном обществе некоторую роль.

Наконец он получил более чем заманчивое предложение. В Неаполь прибыл старый князь Орсини, такой же поклонник оккультизма, и, услышав, что туда приезжает ученик мага Альтотаса, заявился к Бальзамо и предложил ему пойти вместе с ним в его замок и там проделать несколько магических опытов. Условия, предложенные князем Орсини, были так заманчивы, что Бальзамо, хоть знал заранее, что ни одного из этих опытов проделать не сможет, охотно на них согласился. Под влиянием желания заработать денег он забыл даже о всякой осторожности, потому что замок князя находился в Сицилии, то есть в родных местах Бальзамо, где его легко могли узнать и вспомнить недавнюю историю с ростовщиком Марано.

— Будь что будет, я поеду! — решил он, рассчитывая в мыслях, что суммы, полученной от Пинто, хватит только на несколько месяцев, и что следует подстраховаться на будущее, хорошо выжать Орсини, старого дурака.

Однако, как только он оказался в Сицилии, его охватили сомнения. Это отнюдь не были упреки совести, что уже через два месяца после смерти своего учителя, которому обещал жить честно, идёт дорогой мошенничества и лжи. Это также не было страхом, что его встретит кто-нибудь из прежних знакомых. Но его охватил страх, что Орсини, значительно больше него посвящённый в тайны алхимии, может легко разгадать мошенничество, а тогда нужно будет искупать вину в тюрьме и за настоящие, и за предыдущие делишки. Тем более, что он убедился, что князь, резкий и мстительный по натуре, имеет огромные связи, и будет тяжелее избежать его мести, нежели гнева Марано.

Всё ещё продолжая откладывать начало "магических операций" и довольствуясь только внешним подражанием алхимических операций Альтотаса, Бальзамо ломал голову над тем, как выбраться из приключения и или рискнуть "ударить", или уйти из опасной истории, под каким-либо предлогом, с честью, когда ему на помощь поспешил случай.

Как-то прогуливаясь в окрестностях замка князя, он заметил вдалеке какого-то богато одетого мужчину, который ехал по дороге. В первые минуты он не обратил на него внимания, но весьма удивился, когда услышал, что тот произнёс его имя.

— Джузеппе!

— Балби! — воскликнул тот в свою очередь, узнав незнакомца.

В самом деле был это некий Балби, великий нечестивец, монах, которого выгнали из монастыря, и один из четырёх "дьяволов", которые в своё время так обошлись с Марано в гроте под Палермо. Стало быть, сообщник Бальзамо. Однако с того времени удача, должно быть, была на его стороне, о чём свидетельствовала уверенная в себе мина и изысканный костюм.

— Как же ты изменился! — прибавил он. — Я думал, что мне навстречу едет какой-нибудь маркиз!

— Но и ты выглядишь господином! — засмеялся в ответ Балби.

Он соскочил с коня — и друзья упали друг другу в объятия. Они начали рассказывать друг другу о своих приключениях. Тогда Бальзамо узнал из уст экс-монаха, что тот благодаря разным счастливым "комбинациям" заработал деньги, только временно бывает в Сицилии с какими-то делами, но по сути он совладелец одного из игорных домов в Неаполе.

— Я могу также разрешить тебе в этом поучаствовать! — объявил он, когда услышал историю Бальзамо. — Это гораздо надёжнее твоих "чародейских штучек". Будешь жить, как король, и никто не будет упрекать тебя в мошенничестве. А от Орсини беги, потому что это большой злюка и может легко упрятать тебя в тюрьму.

Очевидно, эти аргументы подействовали на убеждения Бальзамо, потому он согласился на предложение приятеля. Правда, роль компаньона игорного дома была далека от роли, намеченной для своего ученика Альтотасом, но Бальзамо о своём учителе забывал всё больше и больше, зато видел возможность выбраться из трудной ситуации.

— Хорошо! — воскликнул он. — Ещё сегодня я попрощаюсь с моим идиотом и мы с тобой встретимся.

Они договорились, что вечером Бальзамо, забрав свои манатки, появится в соседнем местечке, в гостинице, где остановился Балби.

Вернувшись домой, он без промедления направился к князю и объявил ему, что, прогуливаясь в лесу, имел откровение, и высшие начальники приказали немедленно прервать "работы" и отложить их на неопределённый срок, в связи с чем дальнейшее пребывание его в замке бесцельно и он должен покинуть князя. Орсини был разочарован, зол, однако, не смел задержать молодого мага, даже попрощался с ним с большой жалостью.

Вечером, как договаривались, Бальзамо заявился в гостиницу.

Балби, желая отпраздновать встречу в своей комнате, приготовил целый пир. Стол был заставлен многочисленными тарелками с едой и украшала его шеренга бутылок вина. Даже в качестве украшения была местная красавица, синьорина Марколина. Начался пир.

Почти все бутылки были уже опорожнены, приятели, покрасневшие и наполовину раздетые, вырывали друг у друга красивую девушку, также захмелевшую и не очень пугливую, когда во время самой большой забавы дверь комнаты Балби с грохотом растворилась и на пороге появилась какая-то старая женщина со злым и коварным выражением лица. Увидев её, Марколина слезла с коленей Бальзамо и голосом, исполненным блестяще разыгранного негодования, воскликнул:

— Я погибла! Мама!

— Моя дочь в логове разврата! — завывала тем временем старуха. — Вы опозорили моё чистое дитя. Вы ответите за это, негодяи!

Весь фарс был слишком очевиден. Мегера, действуя по соглашению с дочкой и полагая, что имеет дело с богатыми и считающимися с мнением путешественниками, думала, что таким образом сдерёт с них солидный выкуп. Однако она просчиталась. Бальзамо, как и Балби, сами авантюристы, отлично знали хулиганские штучки, которые были в Италии обычным делом, и нелегко их было запугать. К тому же они были совершенно пьяны.

— Ах ты мегера! — крикнул Балби, озлобленный тем, что ему прервали многообещающее развлечение. — Ты...

Прежде чем старуха успела осмотреться, уже ехала головой вперёд по лестнице. Следом за ней выпорхнула синьорина Марколина, которую вытолкнула сильная рука Бальзамо. Но обе, оказавшись внизу, подняли нечеловеческий крик, взбешённые тем, что проделка не удалась.

— Разбойники! Бандиты! — кричала мегера. — Изнасиловали дочку и побили ещё. O sancta Madonna! Разве нет правосудия для этих негодяев?

Случайно около гостиницы проходил полицейский патруль, который, услышав крики, поспешил в эту сторону. Услышав рассказ старухи, начальник сборов поднялся наверх. Бальзамо и Балби, совершенно пьяные, только мямлили и от них было трудно добиться объяснения.

— Вы арестованы по обвинению в изнасиловании девушки, — объявил коротко командир. — Отвести их в тюрьму.

Бальзамо пришёл в себя только тогда, когда оказался на твёрдой лавке в какой-то тёмной и сырой темнице. Его охватил ужас. Ему казалось, что из темноты выглядывает освещённое каким-то неземным блеском лицо Альтотаса и что мудрец смотрит на него серьёзно, с упрёком, а его губы шепчут:

— Первое предупреждение...

Он провёл ужасную ночь. Внутренний голос повторял ему, что заключение — это наказание за поведение после смерти Альтотаса, что предыдущие делишки будут обнаружены и что он надолго окажется в тюрьме.

К счастью, окончилось на страхе. Назавтра друзьям было легко доказать свою невиновность и показать, что обвинение синьорины Марколины, а также её достойной мамы было беспардонным, ни на чём не основанным и голословным. О старых же грехах Бальзамо не знали.

Но осталось впечатление. Под влиянием ночи, проведённой в тюрьме, а может, загробного лица Альтотаса, Бальзамо решил порвать связь со своим приятелем. Во-первых, он был зол на Балби потому, что благодаря его распутной гулянке старый князь Орсини узнает обо всём приключении и поймёт, почему "молодой маг" покинул его, предпочтя герметичным опытам оргию с блудницами. Кроме того, он решил, что поездка в Неаполь в обществе такого человека, каким был экс-монах, даже если бы из этого могли вытекать самые большие выгоды, должна была вызвать скандал и разные нелестные комментарии, поскольку в Неаполе благодаря кавалеру Аквино знали его с лучшей стороны как ученика Альтотаса.

Он решил расстаться с товарищем и направиться в Рим, где никто о нём ничего не знал. Тогда он попрощался с товарищем, утверждая, что раздумал и не желает быть совладельцем игорного дома, и без промедления выехал в Вечный город.

Глава III

Женщина...

В Риме Бальзамо поначалу вёл такую примерную жизнь, что это вызывало сильное удивление у всех, кто с ним встречался. Знакомство с Пинто также пришло ему там на помощь. Поскольку тогдашний мальтийский посол в апостольской столице, Байлли де Бретенил, узнав о близких отношениях, какие связывали Бальзамо с великим магистром, не только сам принял его радушно, но и рекомендовал в ряде первоклассных домов.

На что он жил? Больших магических опытов он совсем не проводил, во-первых, потому, что не умел их проводить и боялся скомпрометировать себя, как в то время, когда жил у князя Орсини; затем — потому что боялся папской полиции, весьма бдительной ко всем волшебникам. Зато он воспользовался сведениями, полученными от Альтотаса, и готовил различные лекарства и снадобья, в соответствии с рецептами, принятыми на востоке, присоединяя, конечно, к этому большую дозу шарлатанства, потому что, помимо невинных микстур, он продавал и талисманы, и любовные напитки.

С горем пополам этого могло хватить на кое-какое содержание, пока органы безопасности не обратили более пристальное внимание на его деятельность.

Но...

Однажды, проходя по одной из улиц, находящихся близ площади Св. Троицы Пилигримов, он замедлил шаг, будто громом поражённый. На пороге магазина, в котором находились слепки бронзовых изделий, он увидел девушку прямо необыкновенной красоты.

— Как она чудесна! — шепнул он, не в силах обуздать своё восхищение.

Незнакомке могло быть самое большее восемнадцать лет. Она была среднего роста, хорошего телосложения, имела золотые волосы, большие голубые глаза, а кожу — зрелого персика. Её личико носило какое-то такое сладкое выражение, что, взглянув на него, трудно было не остановиться и не смотреть, как на прекрасную картину. Она была одета скромно, но со вкусом, и, очевидно, воспитана в хороших правилах, потому что несмотря на то, что стояла на пороге, наслаждаясь красотой и солнечными потоками майского утра, не обратила на прохожего ни малейшего внимания.

— Как она чудесна! — повторил он. — Кто это может быть?

Бальзамо очень быстро определил, кем была чудесная незнакомка. Один из соседних купцов рассказал ему, что это дочь хозяина магазина бронзовых слепков, Лоренца Феличиани; что она особа скромная, ни в какие романы не ввязывается, но в то же время капризная, потому что, хоть у неё много ухажёров, ни за кого не хочет выйти замуж.

— Я должен её получить! — подумал Бальзамо. — Это ангел во плоти! Наверно, если бы её увидел мой магистр Альтотас, не утверждал бы, что подобная сладкая девушка может привести к гибели!

Он без раздумья побежал к магазину, и хоть не нужны ему были бронзовые слепки, он купил целый ряд ненужных вещей. А в магазине он так ловко маневрировал, что не только смог познакомиться со старым Феличиани, но и представиться девушке. С тех пор визиты начали повторяться не только каждый день, но несколько раз в день, а в поведении Бальзамо пробивалась такая любовь и поклонение, что только слепец не заметил бы их цели.

Но что самое важное — такая капризная до сих пор девушка смотрела на влюблённого благосклонным взглядом.

Понравился ли ей Бальзамо? Конечно. Потому что Бальзамо, хоть не был слишком красив, пользовался значительным успехом у женщин. Но в эту игру входили и другие соображения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.